

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор ИИР РАН
Институт российской истории РАН
доктор исторических наук

Ю.А. Петров

« 07 » апреля 2015 г.

ОТЗЫВ

**на диссертацию Екатерины Викторовны Волжениной
«Феномен массовой культуры
в восприятии русских символистов конца XIX – начала XX века»,
представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук
(специальность 07.00.02 – Отечественная история)**

Диссертация Екатерины Викторовны Волжениной – оригинальное научное исследование, посвящённое анализу отношения русских символистов к массовой культуре, формирующейся на рубеже XIX–XX веков, а также роли символизма в социокультурном развитии России в позднеимперский и раннесоветский периоды её истории.

По существу автор диссертационного исследования пишет о начальном этапе складывания отечественной культуры современного типа, актуальность изучения которого не вызывает сомнений. При этом рассматривается взаимосвязь теоретических, эстетических, социальных и экономических аспектов данного процесса, что придаёт диссертации Е.В. Волжениной особую ценность. Взаимозависимость элитарной и массовой культуры в Российской империи в конце XIX – начале XX в. остаётся ещё недостаточно изученной, а её восприятие представителями различных философских и литературных течений, безусловно, заслуживает специального рассмотрения. Символистам, конечно, следовало уделить при этом первоочередное внимание, поскольку их обширное и разностороннее творчество (теоретическое, художественное, публицистическое) оказывало заметное влияние на самосознание русского образованного меньшинства начала XX в.

Научная новизна освещённых Е.В. Волжениной проблем, а также предложенного в диссертации их конкретно-исторического решения, бесспорна. Действительно, «собственно исторических исследований символизма всё ещё очень мало» (с. 26). Принципиально важным при этом является стремление автора выйти за рамки дореволюционного времени и показать значение наследия русских символистов для модернизации культуры в советский период. Кроме того, существенно и то, что символизм характеризуется в диссертации не изолированно, но в тесной диалектической и диалогической связи с противостоявшими ему течениями (прежде всего – футуризмом), во многом использовавшими и перерабатывавшими его проблематику, эстетику и приёмы «жизнетворчества». Раскрывая реакцию символистов на «восстание масс», автор диссертации выявляет также как прямое, так и опосредованное влияние их творчества на массовую культуру вплоть до наших дней. Структура диссертации Е.В. Волжениной логично отражает её содержание и позволяет исследовательнице аргументировано изложить свою концепцию. Работа состоит из введения, трёх глав (каждая из которых разделена на два или три параграфа), заключения, списка источников и литературы.

Во введении чётко сформулирована проблематика исследования, подробно и убедительно обоснованы его актуальность, новизна и хронологические рамки, корректно очерчен круг символистов, творчество которых наиболее значимо для изучаемой темы, ёмко представлены основные положения и гипотезы, вынесенные автором на защиту.

Нельзя не отметить, что Е.В. Волженина прекрасно владеет огромной литературой, посвящённой различным сюжетам, затронутым в её диссертации. Говоря во введении о степени изученности темы, она умело классифицирует и профессионально оценивает десятки отечественных и зарубежных исторических, культурологических,

литературоведческих, историко-философских работ, необходимых для понимания тех или иных аспектов творчества символистов или феномена массовой культуры. Среди них немало новейших публикаций, а также неопубликованных диссертаций разных лет. К трудам предшественников Е.В. Волженина часто обращается и в основной части, солидаризируясь или полемизируя с их выводами и наблюдениями. Всё это свидетельствует о высокой историографической культуре подготовленного ею исследования.

Вместе с тем это стало возможным в результате тщательной проработки многочисленных источников, большая часть которых опубликована, но сравнительно редко анализировалась историками. Это и теоретические сочинения русских символистов (А.А. Блока, В.Я. Брюсова, Б.Н. Бугаева (А. Белого), З.Н. Гиппиус, Вяч.И. Иванова, Д.С. Мережковского и др.), и их художественные произведения, манифесты, публицистические и критические статьи, письма, дневники и воспоминания участников литературных кружков и дискуссий начала XX в. Ряд ценных документов был также обнаружен исследовательницей в РГАЛИ. Солидная источниковая база, на которую опирается Е.В. Волженина, вполне позволяет ей осветить восприятие символистами массовой культуры начала XX в. и сделать взвешенные, хорошо подкреплённые имеющимся материалом выводы.

Большое внимание в диссертации уделено разъяснению используемой терминологии. Автор справедливо отмечает «складывавшийся годами терминологический беспорядок» (с. 19), преодолеть который весьма затруднительно, если вообще возможно, поскольку в самих источниках (не говоря уже об исследовательских концепциях) многие понятия и выражения могли приобретать у различных, а иногда и у одних и тех же людей разный смысл. Тем не менее, Е.В. Волженина тщательно прослеживает оттенки употребления таких терминов как «декадентство», «символизм» (и «постсимволизм»), «модернизм», «модерн», «авангард», «культурная индустрия», «массовая» и «элитарная» культура. Возможно, следовало бы точнее определить и значение выражения «жизнетворчество», а также авторские представления о «рынке». Несколько расплывчато, пожалуй, формулируется и понятие «массовая культура». Причём если в начале исследовательница пишет о ней как о «составной части культурной индустрии», определяет её «преимущественно как производимую для широких слоёв населения, как правило, профессионалами – т.е. людьми, обладающими различным уровнем таланта, но получающими доход от культурных продуктов» (с. 23), то в конце говорится, что «массовая культура – индустриальный вариант культуры как таковой, а не только её народного слоя» (с. 185). Вероятно, именно так она понимается и тогда, когда идёт речь про «русский символизм и футуризм как этапы развития массовой культуры» (с. 132). Крайне неудачным и несколько невнятным представляется также неологизм «массовизация общества», используемый, правда, по большей части во введении и заключении и редко встречающийся в основной части диссертации.

В первой главе («Русский символизм о массовом обществе») Е.В. Волженина характеризует реакцию символистов на стремительный рост «исторического, экономического и общественного значения масс» на рубеже XIX–XX вв. По мнению автора, она во многом была обусловлена их представлениями об индивидуализме и роли личности, которые подробно рассматриваются исследовательницей в контексте философских и социологических теорий от Ф. Шлейермахера до Г. Зиммеля. Как пишет Е.В. Волженина, «построения символистов не ограничивались простым противопоставлением индивида с его свободной волей и иррациональными желаниями и разумно организованного (или стремящегося к такой организации) коллектива». Напротив, они пытались «понять, как новое измерение личности и индивидуального влияет на социум в целом» (с. 41–42). В диссертации «для наиболее полного понимания сути символистских размышлений предлагается использовать тернарную оппозицию “личность – масса – общество”, ставящую “качественное” содержание личности и

общества в прямую зависимость друг от друга» (с. 42). Подобное противопоставление автор усматривает, в частности, в работах Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус (в том числе и в их отношении к язычеству и христианству, концепции «третьего завета» и проч.). Стремление к радикальному обновлению индивидуального сознания и общественной организации приводило их к ожесточённой критике как исторического христианства (изображавшегося ими вслед за Ф. Ницше как «павлианство»), мещанства, самодержавия, так и империализма, национализма, социализма, критиковавшегося символистами «за невнимание к духовной стороне жизни и ... качественному индивидуализму нового типа» (с. 59). Неприятие «организации, возведённой в культ, устанавливающей бессилие личности перед началом вида и знаменующей торжество чисто биологического, дочеловеческого коллектива» (с. 55) выявляется автором и в альтернативе «легион и соборность», описывавшейся Вяч.И. Ивановым, а также в рассуждениях Андрея Белого о «механическом» и «органическом» принципах развития (с. 56–57). Вместе с тем, как утверждает Е.В. Волженина, «теоретические размышления об угрозе превращения мира в безликую массу способствовали выработке идеала личности». В результате, в дополнение «идеала социальной организации», каковым в кругу Мережковских признавалась «безгосударственная религиозная общественность», «символистами создаётся универсальный идеал личности» (с. 59). В диссертации Е.В. Волжениной ему посвящён второй параграф первой главы. «Венец почти тридцатилетней эволюции общесимволистской мысли о человеке» Е.В. Волженина видит в интерпретации А.А. Блоком представлений Р. Вагнера о «человеке-артисте». По её словам, «Александр Блок дал самую радикальную (из принадлежащих символистам) трактовку взаимоотношений творца и реципиента, предвосхитившую “смерть автора”», поскольку «“человек артист” Блока реально соединяет творца и реципиента в одном лице» (с. 73–74). Именно в этом символистах виделось «противоядие от человека массы, способного только потреблять» (с. 75). Более того, с 1900-х гг. они были склонны «рассуждать о новом типе реципиента в применении ко всей человеческой культуре», не ограничиваясь рамками собственно искусства (с. 74). Как полагает Е.В. Волженина, эти рассуждения готовили «почву для культурной революции», осуществлённой уже в советское время, приучая интеллигенцию к мысли о том, что «кризис индивидуалистического гуманизма может быть преодолен через его превращение в гуманизм масс» (с. 73).

Во второй главе диссертации («Русский символизм в пространстве массовой культуры») рассматривается реакция символистов на «бурный рост массовой культуры, закономерно сопровождающий процессы индустриализации и урбанизации на рубеже веков» (с. 78). По мнению Е.В. Волжениной, «символизм – это направление, действующее на поле массовой культуры в рамках культурной индустрии» (с. 130), и «вся история символизма (и шире – модернизма, причём не только в России) – это воспитание публики и её ознакомление с новым: новыми изобразительными техниками, темами, возможностями восприятия» (с. 103). Вместе с тем исследовательница отмечает «амбивалентность отношения русского символизма к массовой культуре», обусловленную «культурной сложностью, противоречиями эпохи и пропастью катастрофического масштаба (что часто не осознавалось) между творцами культурных продуктов и их потребителями, как реальными, так и предполагаемыми» (с. 79). Соответственно «в символизме уживались разнонаправленные тенденции, и теория подчас кардинально расходилась с практикой: осуждение поэтами культурной индустрии в целом и отдельных проявлений массовой разновидности модернизма в частности соседствовало с прямым участием в создании и популяризации элементов массовой культуры» (с. 79–80).

Е.В. Волженина детально анализирует выступления Д.С. Мережковского, А. Белого и др. «против массового вульгаризированного варианта модернизма» (с. 83), «массовой ассимиляции символизма» (с. 87) и выхолащивания его идей в массовой беллетристике и представлениях широкой публики. При этом автор диссертации указывает на то, что

«превращение символизма в “типическую пошлость” (выражение Эллиса), моду» признавалось в 1905–1910 гг. едва ли не всеми современниками, интересующимися новинками литературы и искусства. Так, А.А. Блок, как пишет Е.В. Волженина, «прекрасно понимал, что признание символизма ведущим литературным направлением России куплено высокой ценой опошления искусства», а «стремление сделать искусство понятнее и демократичнее привело, в первую очередь, к его вульгаризации и коммерциализации, в то время как развитие с его помощью творческого потенциала у среднего читателя оставалось отдалённой перспективой» (с. 90–91). То, что «попытка уйти от рынка парадоксально обернулась его торжеством, пройдя через горький опыт бульварного модернизма 1900-х гг.», констатировал и А. Белый. Всё это позволяет Е.В. Волжениной поставить резонный вопрос: «Что такого было в самом символизме, что его так охотно и продуктивно снижали? Почему тот факт, что идейное содержание направления в неадаптированном виде было доступно крошечному количеству потенциальных читателей, нисколько не помешало распространиться моде на символизм?» (с. 92). Сама исследовательница считает, что «символизм вошёл в моду, правда, получив при этом уродливого двойника, не по воле случая, а потому что сам шёл к массе» (с. 93). Наиболее ярко это проявилось в разработке символистами (А.А. Блоком, В.Я. Брюсовым и др.) специфически «городской» тематики, «мещанского романа» и проч. (с. 93–94), что было как нельзя более созвучно стремительной урбанизации России в начале XX в. Характеризуя позицию А.А. Блока и его «настоящий роман с городской культурой», Е.В. Волженина несколько даже игриво для диссертации пишет про его «вочеловечение» и «личное сближение с массами», которое порою «может происходить не только в интеллигентском плаче о тяготах простых людей, но и в разделении с народом доступных радостей массового искусства» (с. 95). «Тягу к не самым изысканным развлечениям, второсортной литературе и тому подобным вещам» Е.В. Волженина находит и у других символистов (например, у В.Я. Брюсова) (с. 96). Вяч.И. Иванов и вовсе видел в культуре именно «умное веселие народное», иронизируя по поводу тех, кто ищет в ней «рассадики духовных овощей» (с. 97). Любопытно, что, как показывает Е.В. Волженина, большинство символистов, за исключением Вяч.И. Иванова, осознавали и болезненно переживали свою личную причастность «к выходу модернизма в тираж» (с. 96) и «совместное измельчение писателя и читателя» (с. 98). Тем самым, «символизм в одной своей ипостаси воспитывал бульварных модернистов и их (и своих) поклонников, в другой – осуждал это своё детище, в третьей – раскаивался и посылал голову пеплом» (с. 101). При этом «символизм в своём идеальном представлении об искусстве и попытках упразднения рыночных отношений в культуре словно преодолевает умозрительно десятки лет исторического развития, слабо соотносясь с родной почвой, и строго судит рынок в стране молодого капитализма, не обращая внимания ни на её уровень, ни на “подлинные потребности”» (с. 129).

«Игровое начало модернизма» подробно раскрывается Е.В. Волжениной во втором параграфе второй главы («Механизмы массовой культуры в жизнетворчестве русского символизма»). По мнению исследовательницы, «с приходом символизма в русскую культурную жизнь меняется само представление о культурном продукте», поскольку «начиная с рубежа веков это не только книга, театральная постановка, опера и т.д., но и определённая модель поведения» (с. 106). Как утверждает Е.В. Волженина, широкой популярностью пользовалась тогда не столько поэзия символистов, довольно сложная для неподготовленного, «массового» читателя, сколько их «жизнетворчество» и создаваемые ими «имиджи», воплощавшие представления о «человеке-артисте». Исследовательница внимательно анализирует «имиджи» В.Я. Брюсова, Вяч.И. Иванова, А. Белого, А. Блока, З.Н. Гиппиус, формировавшиеся в той или иной мере при их непосредственном участии и постоянном подыгрывании мифологизировавшей их публике. В диссертации отмечается значительное влияние на «жизнетворчество» символистов идей Вл.С. Соловьёва «о преобразующей силе искусства». «Ориентированность на его представления, – пишет Е.В.

Волженина. – наиболее отчётливо просматривается в трудах Андрея Белого и Вячеслава Иванова, главных теоретиков направления и основ символистской эстетики» (с. 111). В то же время исследовательница считает, что «жизнетворчество русского символизма внутренне противоречиво» (с. 108). По её словам, «разнообразная жизнетворческая деятельность символизма двигалась как теургическими задачами, так и коммерческими нуждами, спонтанно возникавшими, когда выяснялось, что действительность не так легко поддаётся преобразению» (с. 110). Но хотя «теургический и коммерческий (или практический) импульсы жизнетворчества тесно переплетались» и «подчас определить, где из них какой, почти невозможно», Е.В. Волженина всё же признаёт, что «о наличии последнего символисты никогда прямо не говорили, в лучшем случае только подозревая о его наличии» (с. 110–111). Тем не менее, как утверждает исследовательница, «модели творческого поведения символистов, хотя и развёртывались на фоне мысли о покорении материального вообще и рынка конкретно, были рынком в значительной степени абсорбированы» (с. 110). Более того, «превращению жизнетворческих моделей в культурные продукты, театрализации и коммерциализации практик символизма способствовало также обострение личного начала в культуре», поскольку «вопрос “делать жизнь с кого” на рубеже веков отнюдь не был праздным», а «массовая публика (вовсе не обязательно горя желанием превратиться в “людей-артистов”) остро нуждалась в *кумирах*, хотя само слово в применении к деятелям культуры пока не употребляли» (Там же). В результате, как констатирует автор диссертации, «“Игра” символизма на поле массовой культуры привела к неоднозначным последствиям»: «она оправдала себя в том отношении, что символизм действительно стал популярным явлением, но предопределила появление массового извода модернизма, “третьего сорта”, якобы ничуть не уступавшего первому» (с. 128).

Напоминая, что «символизм – только пионер русского модернизма», Е.В. Волженина указывает также на оставленное им «богатое... наследие техник, присущих массовой культуре». Наиболее полно, по её мнению, им смогли воспользоваться затем футуристы. Восприятию и переработке футуристами приёмов и идей символистов посвящена третья глава диссертации («Наследие русского символизма в массовой культуре 1910-х – 1920-х гг.»). Важным её достоинством является то, что судьба «наследия» символистов прослеживается как в дореволюционный (§1), так и в советский период отечественной истории. Конечно, рассмотрение этой «судьбы» исключительно в связи с творчеством футуристов (и прежде всего В.В. Маяковского – «главному транслятору массовой культуры в советском обществе 1920-х гг.» (с. 175) посвящён весь второй параграф третьей главы) несколько сужает рамку исследования, но, с другой стороны, именно это позволило автору выявить историческую преемственность различных течений русского модернизма (и одновременно, как считает Е.В. Волженина, «этапов развития массовой культуры» в России (с. 132)), находившихся в остром идеологическом и эстетическом противостоянии. Как отмечает Е.В. Волженина, «преемственность эта была очевидна самим символистам», в частности, В.Я. Брюсову и А. Белому (в отличие, видимо, от футуристов, которые «официально» не признавали «не только преемственности с символизмом, но вообще наличия каких-либо предшественников» (с. 133)). По мнению автора диссертации, «на сцене ведя себе якобы как в жизни, футуристы самозабвенно творили миф о первых людях нового мира, преобразённых искусством, испытавших невиданные чувства и уже будто бы достигших всего того, что символизм определял как задачу будущего» (с. 159). Причём миф этот был изначально рассчитан на максимально широкую аудиторию (поэтому более чем оправдано обращение Е.В. Волжениной в третьем параграфе третьей главы к анализу понимания символистами и их преемниками значения «мифа» и «мифологического»). Одновременно футуристы полностью «переносят деятельность на подмостки театров, кабаре, артистических кафе, и начинают зарабатывать с помощью творческих типажей, окончательно превращённых в имиджи, не только символический капитал известности, но

и обыкновенные деньги» (с. 160). Соответственно, «тексты символизма, направленные против власти рынка в искусстве, претворились в довоенном футуризме в броские “антимещанские” лозунги, но этот поносимый мещанин стал главным источником существования поэтов» (с. 160).

Неудивительно, что «дело упрощения символов было доведено до конца в Советском государстве», где они широко использовались в политической агитации и коммерческой рекламе времён НЭПа. Ведь ещё в 1910 г. Вяч.И. Иванов предсказывал, что символизм, ранее усложнявший искусство и жизнь, «отныне – если суждено ему быть – ...будет упрощать» (с. 183–184).

В заключении Е.В. Волженина формулирует основные выводы своего исследования, обоснованные всем материалом трёх глав её диссертации.

Как едва ли не каждое по-настоящему оригинальное исследование, диссертация Е.В. Волжениной содержит немало таких замечаний и утверждений, которые многим могут показаться по меньшей мере спорными и даже ошибочными. В этом видится сильная сторона данной работы, которая создаёт основу для будущих дискуссий, необходимых для успешного дальнейшего изучения темы.

Небесспорным представляется уже стремление исследовательницы по ходу изложения материала всё глубже погружать символизм в «массовую культуру». Если во введении вполне корректно говорится, что «символизм, оказав влияние на российскую культуру в целом, мог иметь и некие точки соприкосновения с процессом становления массовой культуры» (с. 3), затем символизм характеризуется как «направление, действующее на поле массовой культуры и в рамках культурной индустрии» (с. 130), и один из «этапов развития массовой культуры» (с. 132), а в заключении уже идёт речь про «существование русского символизма в пространстве массовой культуры» (с. 188). Между тем символизм всё же изначально был и до конца оставался явлением культуры образованного меньшинства, близкое и разностороннее знакомство с которым «широких масс» состоялось лишь в последние десятилетия XX в. Это, кстати, вполне подтверждает и материал диссертации Е.В. Волжениной, указывающей на сравнительно скромные тиражи поэтических сборников даже наиболее известных и популярных символистов 1900–1910-х гг., а также некоммерческую природу символистских издательств (с. 104–106). Это заставляет усомниться в «рыночном успехе символизма», о котором пишет автор (с. 106). А то, что «символистские издательства и журналы спонсировались семействами Морозовых, Филипповых, Рябушинских, фабрикантом С.А. Поляковым, словом, буржуазией» (с. 130), очевидно, свидетельствует не столько об их коммерческой привлекательности, сколько о близости московских предпринимателей начала XX в. к вкусам и интересам российской интеллигенции и её кружков. Появление «массового модернизма» также не доказывает ещё связи символизма с массовой культурой, поскольку многочисленными эпигонами обрастали со временем все заметные литературные течения (классицизм, романтизм, реализм и т.д.). Между тем влияние символистов на «массовую поэзию» (включая откровенно графоманскую), как признаёт Е.В. Волженина, оставалось в начале XX в. сравнительно скромным и, хотя и росло, но всё же уступало не только А.А. Фету и С.Я. Надсону, но в 1916 г. и Игорю Северянину (с. 104–105).

Не случайно «достижения символизма в области массовой культуры» составляют почти исключительно «выработанные им способы коммуникации с публикой» (с. 188). Нельзя не согласиться с Е.В. Волжениной, потенциально эти «способы коммуникации» могли получить рыночную стоимость и успех у широких масс, более того, со временем они приобретут и то, и другое, но воспользуются этим уже не символисты, а совершенно иные люди и эстетические течения. Не случайно Е.В. Волженина отмечает, что «коммерческий потенциал открытий русского символизма используется в индустрии культуры до сих пор» (с. 192). Но вот использовался ли он символистами?

Тесно связывая массовую культуру с рынком, исследовательница вынуждена употреблять это понятие в самом широком смысле. Ссылаясь на Э. Тоффлера, она видит в

рынке «не чисто капиталистическое, а индустриальное явление». Собственно «он нужен для обмена, даже если нет речи о прибыли», и «это не обязательно денежный обмен, он может быть символическим» (с. 174). По сути, такой рынок уже и не сугубо «индустриальное явление», поскольку тот или иной обмен существует и в доиндустриальных обществах, включая примитивные. Конечно, при столь широком его понимании можно утверждать, что «рынок не был побеждён ни в 1917 г., ни в 1920-е гг., ни позже» (с. 174). Но на деле такая «широта» размывает границы исторических явлений, препятствует осмыслению особенностей и реалий различных периодов и попросту путает читателя. К тому же, сами символисты, рассуждавшие о «рынке», имели в виду явно нечто иное.

Некоторый оттенок модернизации прошлого чувствуется и в самом отношении к русскому символизму как к некоему «проекту» (с. 4, 187). В диссертации говорится также про «модернистский культурный проект» (с. 4–5, 23), «социалистический политический модернизационный проект» (с. 23, 47, 49), «модернизационный проект большевиков» (с. 6), «культурный проект Просвещения» (с. 36), «проект культуры символизма» (с. 74). Всё же это терминология, отражающая подходы, стиль и мироощущение совершенно другой эпохи (не поражающей, кстати, глубиной проникновения в смысл вещей), и едва ли она облегчает понимание творчества людей начала XX в.

Вызывает недоумение и утверждение, будто ленинское рассуждение про «живое творчество масс» как «основной фактор новой общественности», относящееся к ноябрю 1917 г., «основалось, в том числе, на символистских изысканиях предшествующих лет» (с. 76). Доказать не просто сходство взглядов (или, скорее, формулировок), а их взаимосвязь, тут было бы явно затруднительно.

Е.В. Волженина вообще склонна сближать и сопоставлять марксистов и символистов. Вероятно, в конце XIX в., когда оба течения по-своему боролись с народничеством, такое сближение было естественно. Не случайно, по свидетельству М.М. Бахтина, «их тогда не различали». Но уже в середине 1920-х гг. это воспринималось как «странный оптический обман» (*Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 2. М., 2000. С. 294*). Между тем Е.В. Волженина заявляет, будто в начале XX в. «перевод общества из рухнувшего прошлого в настоящее и, в идеале, в светлое будущее осуществляли, в основном, две силы: модернизаторы – большевики и модернисты – художники, и происходил этот перевод в пространстве массовой культуры» (с. 185). Подобное высказывание, с которым едва ли возможно согласиться, крайне сужает и обедняет картину социального и культурного развития России, в котором далеко не только «модернизаторы» и «модернисты» играли активную и созидательную роль. И, наоборот, как хорошо показала Е.В. Волженина, деятельность самих «модернистов» (не говоря уже о «модернизаторах») зачастую оборачивалась упрощением, при котором в сознание могли даже внедряться «символы, обладающие “магическим” смыслом» (с. 186).

Всё это заставляет задуматься о специфике символистских попыток «преодолеть кризис религиозного сознания» (с. 185). Е.В. Волженина совершенно справедливо уделяет им большое внимание в своей диссертации. Однако её представление о духовных исканиях и, например, церковно-государственных отношениях конца XIX – начал XX в. кажутся несколько односторонними. Исследовательница явно с излишним доверием отнеслась к пристрастным и вовсе не соответствовавшим действительности суждениям и оценкам, доминировавшим в среде «модернизаторов» и «модернистов». В результате в диссертации утверждается, будто в России «секуляризация производилась государством, которое, превратив церковь в департамент духовных дел, а православие в государственную идеологию, взяло на себя ответственность хотя бы частично выполнять её функции». «Отсюда, – полагает автор, – системность кризиса: политического, религиозного и мировоззренческого одновременно» (с. 185). Как может проводить секуляризацию государство, провозгласившее религиозность своей идеологией, остаётся загадкой. Между тем в настоящее время, в силу значительной изученности данной темы,

нет уже ни малейшей необходимости доказывать, что в Российской империи Церковь не превращалась в «департамент духовных дел» (а каноничность её синодального управления не ставилась под сомнение иерархами остальных поместных церквей), православие же не являлось «государственной идеологией», которой просто не существовало (и не предусматривалось), как сколько-нибудь оформлено и официально утверждённой доктрины. И уж тем более государство никогда не брало на себя, «хотя бы частично», функции религиозной общины (назначение иерархов – различных конфессий – было связано не с их каноническими правами, а с лежавшими на них административными обязанностями, никакого сакрального значения подобное назначение не имело и не могло иметь).

Разумеется, для анализа восприятия символистами массовой культуры данные обстоятельства не имели сколько-нибудь существенного значения. Но это лишнее указывает, насколько рискованно порою историку выходить за рамки своего исследования. Когда же сам предмет исследования оказывается на стыке истории, культурологии, социологии, философии, богословия, литературоведения, искусствоведения и даже психологии, опасность значительно возрастает. К примеру, Е.В. Волженина пишет, что «открытие архетипов, универсальных структур сознания было произведено символизмом почти одновременно с европейскими учёными психоаналитиками». По её мнению, «символизм пусть и не ввёл своих открытий в научный оборот и даже не всегда вполне понимал, что открывает, использовал открытие в поэтическом творчестве и житнетворчестве» (с. 182). Однако речь идёт не об «открытии» в точном смысле слова, а всего лишь о научной гипотезе К.Г. Юнга, строгое доказательство которой, вероятно, в принципе невозможно. И влияние на «учение Юнга» его пациента Э. Метнера, знакомившего психоаналитика с теориями русских символистов, не прибавляет данной гипотезе убедительности. Автор диссертации, безусловно, вправе придерживаться столь авторитетных и популярных ныне концепций, но отметить условный характер излагаемых открытий было бы всё же желательно.

Тем не менее, нет никаких сомнений в научной ценности настоящей диссертации, которая является заметным вкладом в изучение русской культуры Серебряного века, отличается новизной и зрелостью суждений и представляет собой самостоятельное, оригинальное, законченное научное исследование актуальной исторической темы.

Опубликованные Е.В. Волжениной научные статьи и автореферат полно и адекватно отражают основные положения и главные выводы её исследования.

Диссертация оформлена в соответствии с требованиями ВАК РФ. Справочно-библиографический аппарат её сделан на высоком научном уровне и даёт полное представление о характере и объёме использованных автором источников и литературы. Текст написан хорошим литературным языком.

Результаты проделанной Е.В. Волжениной работы имеют большое практическое значение. Их можно использовать в научных разработках, лекционных курсах и при создании обобщающих трудов по истории русской культуры конца XIX – начала XX в.

Представленная работа полностью отвечает требованиям п.9 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» ВАК Министерства образования и науки РФ, предъявляемым к диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история», а её автор, Е.В. Волженина, заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук.

Отзыв составлен старшим научным сотрудником Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, к.и.н. А.В. Мамоновым и утверждён на заседании центра 7 апреля 2015 г., протокол № 5

Руководитель Центра по изучению отечественной культуры

Института российской истории РАН

получивший доминирующий отзыв, кандидат исторических наук

А.В. Голубев

